

Наташа
Нестерова

Наталья
Нестерова

Уравнение
со всеми
известными

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Фотография Натальи Нестеровой — *Дмитрий Романов*

Оформление — *Виктория Лебедева*

Нестерова, Наталья.
Н56 Уравнение со всеми известными : [роман] /
Наталья Нестерова. — Москва, Издательство АСТ,
2019. — 512 с. — (Разговор по душам).

ISBN 978-5-17-112670-4

У подруг Анны и Веры всё было отлично — любящие мужья, обеспеченное существование. Казалось, женскому счастью не будет конца. Но в один момент всё изменилось: у Анны на руках оказываются муж-инвалид и маленькие дети — тихой спокойной жизни наступил конец. У Веры из-за лжи и лицемерия семейная идиллия тоже разлетелась в пух и прах.

Что делать? Принять удары судьбы и покориться раз и навсегда? Или снова выбиться в отличницы? Вера, всю жизнь мечтавшая о ребенке, узнает, что сможет стать матерью, но ценой, которую захочет платить далеко не каждая благополучная женщина. Анна становится главой частной клиники. Она, давно отошедшая от гинекологической практики, теперь руководит очень непростым врачебным коллективом и каждый день ищет верное решение уравнения со всеми известными по имени ЖИЗНЬ...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, 2018
Все права защищены
ISBN 978-5-17-112670-4 © ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая

1990 год

Глава 1

Самойловы вернулись из заграничной командировки. Они пробыли в Перу три года, накопили денег и купили трехкомнатную квартиру в Крылатском. Нынче состоялся переезд.

Анна бродила по лабиринтам из мебели, узлов, коробок и нервно щелкала суставами пальцев. Когда-то давно, еще подростком, отучила себя от этой привычки, но в минуты волнений забывалась.

Юра уехал забирать дочь Дарью. Полчаса назад позвонили из милиции, выясняя, не пропадала ли у них девочка пяти лет, волосы темные, хвостик перехвачен разноцветными резинками, одета в джинсовый сарафан и белую кофточку.

— Не пропадала... — пробормотала Анна. — Растяпа, старая перечница! Ведь предупреждали. Тысячу раз предупреждали!

Свекровь Луизу Ивановну предупреждали, что с Дарьи нельзя спускать глаз ни на минуту. Она как молоко на плите: зазевался — обязательно убежит. А если вдруг становится тихой и ласковой — верный признак готовящейся шалости.

На детском празднике в посольстве Анна на несколько минут отвлеклась, раскладывала торт на та-

релки. Увидела, что общество собирается вокруг Дарьи, ринулась к эпицентру — и не успела. Умиленные дипломаты и их жены слушали, как Дашенька читает стихи, которые ей не дали продекламировать со сцены. Анна подбежала как раз в тот момент, когда репертуар закончился и Дарья заявила послу:

— Подбери соплю, чудило!

Накануне дочь выясняла смысл этого выражения, подхваченного у русских строителей, работавших в посольстве.

Жаргонные и вульгарные слова Дарья усваивала мгновенно. Чутким умишком отмечала исключительность подобных слов, видела реакцию на них и с удовольствием использовала.

В прошлом году Даша на месяц ездила к родственникам в рязанскую деревню. Обратную дорогу в электричке Анна вспоминает как постыдный кошмар. Трехлетняя девочка — кудрявый ангелочек — стояла на лавке (чтобы побольше народу видеть, отчаянно сопротивлялась попыткам усадить ее) и рассказывала о прелестях деревенской жизни, перед каждым словом неопределенным артиклем вставляя матерные выражения. Вагон дрожал от смеха и возмущения.

Неоднократное битье и наказания успеха не приносили. Дарья употребляла неприличные слова тайно да еще обучала им других малышей. Только когда Анна однажды, после жалоб возмущенных родителей, расплакалась, Дарья дала честное-пречестное слово больше не материться, «но если у меня, как у дяди Лени, вырвется, пусть меня не ругают».

Правда, Даша поражала окружающих не только своим хулиганством, но и способностями к чтению и языкам. Буквам она заставила себя выучить в два с небольшим года, потому что соседский мальчик шел в первый класс и ему следовало утереть нос. С четырех лет она читала самостоятельно, одну книжку за другой.

Вот наконец и звонок в дверь. Дарья сидит у отца на руках.

— Мапочка, как я тебя рюбрю! — завопила дочь и театрально прижала руки к груди.

Последние три дня она произносила все «л» как «р». До этого неделю картавила, а еще раньше — шепелявила.

— Что случилось? Как ты оказалась в милиции?

Анна заставила дочь спуститься на пол и провела беглый осмотр: целы ли руки-ноги.

— Она попрошайничала в троллейбусе, — сказал Юра.

— На испанском языке, — вставила Даша гордо.

Анна села на ближайшую коробку, стоять ей было тяжело: мешал живот, в котором уже несколько месяцев ворочался Дашин братишка.

— Как попрошайничала? Почему? Ты что, голодная? Нищая? А где была бабушка?

— В магазине, — пояснил Юра, — стояла в очереди, а Дашка тихо улизнула, села в троллейбус и клянула там деньги. Действительно на испанском. Правда, ее никто не понимал.

Дарья болтала на испанском свободно, а Анне за три года жизни в Лиме удалось освоить только магазинную лексику. Она выразительно посмотрела

на мужа: «Твоей маме ничего нельзя доверить. Теперь убедился?» Юра отвел глаза и пожал плечами.

— Один дядечка поняр, — сказала Даша. — Он перевер, что я приехара в Москву сручайно и теперь мне нужны денежки на обратный бирет.

— Прекрати коверкать язык! — прикрикнула Анна. — Какой дядечка? А если бы он тебя не в милицию, а в... неведомо куда отвел?

Она хотела еще добавить, что дочь своими фокусами до могилы ее доведет, но сдержалась. Не следовало часто пускать в ход оружие жалости. Оно было едва ли не единственным в воспитании Дарьи.

— Пойдем Кирку кормить? — предложила Даша.

Кириллом решили назвать ее братика, который должен был появиться на свет через месяц. После того как однажды ночью Дарья пробралась в спальню родителей с резиновой грушей, наполненной кока-колой, чтобы через мамин пупок впрыснуть любимый напиток братику, в каждый прием пищи порции теперь делили на то, что предназначается маме, и то, что пойдет братишке. Кирилл, по Дарьиному мнению, предпочитал сладости и шипучие напитки.

— Иди умывайся, — сказала Анна устало. — И если ты еще раз когда-нибудь будешь притворяться нищей, я... я не знаю, что с тобой сделаю.

Дарья ускакала, а Анна обняла ноги мужа и прижалась лицом к его бедру.

— Ну, в кого, в кого она у нас такая?

Юра ласково гладил жену, а когда увидел, что у нее закапали слезы, поднял и крепко обнял. Он прижал ее голову к своему плечу и наклонился к уху:

— Все в порядке, успокойся. Представляешь, еще один такой чудик?

— О нет! — простонала Анна.

Но в ее голосе уже не звучало отчаяние, это была своего рода игра в негодование. Так говорят родители, пересказывая детские шалости, и возмущение плохо маскирует восхищение поступками, невысказанными для них самих.

Юра почувствовал легкий толчок в бок и положил руку на живот Анны.

— Барахтается, — улыбнулся он, прислушиваясь. — Мне так нравится! Давай ты постоянно будешь беременной?

— Что-о-о?

— Ладно, ладно, без паники. Слушай, а они не ошиблись, что мальчик?

— Нет, — покачала головой Анна. — Два раза, ультразвук делали в Лиме. Он лежал, вполне ясно демонстрируя свою половую принадлежность.

— А на кого он похож?

— Ну, Юра! — рассмеялась Анна. — Что там видно на экране?

— Интересно, причинное место видно, а нос нет? Какого же оно размера?

— Вот теперь мне ясно, откуда у дочери интерес к гениталиям и словам, их обозначающим. Охальник!

За ужином Анна рассказывала о походе в ближайший универсам.

Ряды контейнеров с гранатовым соком — вакса, сильно разбавленная. И больше ничего, то есть абсолютно ничего. Из подсобки вывезут тележку с ва-

реной колбасой или сыром — народ толкается, почти дерется. В итоге пила хлеб и рванный пакет с кефиром. Дарья пить отказывается, требует йогурт.

— А Корька не знает, что такое йогурт, — встряла Даша.

— Кто такой Колька? — спросил Юра.

— Сын наших соседей, — пояснила Анна. — Сегодня познакомились. Очень симпатичные люди. Наши ровесники. Он таксист — Славой зовут. Она — Марина, учительница младших классов, работает в школе, что из нашего окна видна. Показали мне свои запасы. Мамочка родная! Как на подводной лодке. Мешок гречки, мешок риса, ящик макарон, штабеля немецкой тушенки, гуманитарной ее называют — помощь от Германии. Они на запасах полгода продержатся. И так у всех. Народ напуган предстоящим повышением цен и все считает, все — в закрома. Мы же на рынке покупаем, цены в пять — десять раз выше. Короче, все свои накопления мы в скором времени просто проедем, — упрекнула неизвестно кого Анна.

— О деньгах не волнуйся, — уверенно сказал Юра. — Вчера, не успел тебе рассказать, у меня состоялась окончательная беседа с начальством. Два года я — начальник цеха в Шереметьеве-два, и в конце девяносто второго меня планируют в Испанию. Так что выкрутимся, проживем. Два месяца отпуска впереди, квартиру приведу в порядок. Машиной займусь. Хоть и новая, а проверить и обработать антикоррозийкой ее надо. В магазины буду тебя возить. И после Кириного рождения помогу дома. Дарья! Мы будем маме помогать?

— Да, — ответила дочь машинально. Ее волновало другое. — У Корьки два зуба выварились. Впереди. Через дырку здорово свистеть поручается. Я тоже хочу свистеть. Борьно зубы выбрасывать?

— Очень больно, — заверил Юра. — Подожди, скоро постареешь, и они у тебя начнут сыпаться. А соседи, с их запасами, помяните мое слово, разведут нам тараканов и мышей. Дарья, ты боишься мышей?

— Замечательная тема для застольных разговоров, — возмутилась Анна. Но, увидев, как загорелись глаза дочери, поправилась: — Дашенька, ты помнишь, в Лиме мы видели однажды таракана? Огромный, как папин палец, и летает. А в Москве тараканы маленькие, как твой мизинец.

— Страна большая, а тараканы маленькие, — заметил Юра. — Но много. Числом берем.

Анна плохо засыпала по ночам. В конце первой беременности было то же самое. На живот, как привыкла, не уляжешься, да и ребенок вертится. Его движения не дают расслабиться, но если пропадают, то начинаешь волноваться — все ли с ним в порядке.

О чем бы помечтать? В юности любила грезить. А сейчас не мечтается, одни планы на будущее в голове. И прекрасно. Значит, ее жизнь лучше всяких мечтаний. И есть приятные воспоминания.

Юра окончил Московский авиационный институт. Они и познакомились в клубе МАИ. Студенческий спектакль-капустник, на который Анну и Ольгу привела москвичка Ирина, был захватывающе остро-

умным и веселым. Анна хохотала до колик. Молодого человека, сидевшего впереди, но развернувшегося спиной к сцене и не спускавшего с нее глаз, не замечала, пока Ольга не толкнула ее в бок. Захваченная настроением бурлеска, Анна скорчила дерзкую рожицу и показала парню язык. Он усмехнулся и отвернулся. Потом Анна еще несколько раз посматривала в его сторону, но видела только широкую спину и крепкий затылок.

Когда спектакль закончился и они пробирались к выходу, Анна думала о том, что обидно после такого веселья спуститься в метро, ехать в автобусе, завалиться спать в общежитии — и только.

Юра вместе со своим другом и однофамильцем Игорем Самойловым, который только что блистал на сцене, догнали их на улице. Игорь совершенно серьезно сообщил девушкам, что в МАИ есть правило: всех зрительниц женского пола доставлять после спектакля по месту прописки. Возражения в расчет не принимаются. И если девушки не позволят идти рядом и вести беседу, они будут сопровождать их тихой тенью.

Девушки не возражали. Внимание артиста — это лестно. О том, что Игорь играл роль троянского коня, она узнала значительно позже.

На площади Свердлова разделились. Ольга ехала ночевать к Ирине, их вызвался провожать Игорь. А Юра — ее, скованную и притихшую. Анне было неловко за ту ребячью выходку. Кроме того, Юрий был очень «взрослый» — именно это слово приходило на ум. Он окончил институт три года назад, отслужил в армии и теперь работал инженером по ре-

монта самолетов в Шереметьеве. Но дело было даже не в возрасте. Его окружала не юношеская, а мужская аура взрослости — уверенности, спокойствия.

Юра расспрашивал ее о медицинском институте, в котором Анна училась на третьем курсе, рассказывал о МАИ и своей службе в авиации. Анна вымучивала скудные ответы и междометия.

«Решит, что я дура, — думала она. — Сначала хохотала как ненормальная, а сейчас слова не могу выдать».

Они подошли к дверям общежития. Аня быстро протянула руку и пробормотала:

— До свидания. Спасибо, что проводили.

Юра задержал ее руку:

— Послушайте, Аня, давайте я вам тоже покажу язык? И мы будем в расчете.

Он действительно показал ей язык. Нелепо сожмурив глаза, открыл рот, будто на приеме у врача. Анна расхохоталась.

— Вашим смехом можно торговать, — сказал Юра. — Он заменяет бутылку хорошего вина.

Они встречались около года. Анна привыкла к Юре, уже не чувствовала себя несмышленной девчонкой рядом с серьезным дяденькой. Его взрослость больше не пугала — напротив, оказалась удобной и приятной. В нем не было юношеской нетерпеливости, дрожания нахальных рук, сбивчивого дыхания и желания быстрее всю ее опробовать жадными губами. Юра даже не пытался поцеловать ее. Вел себя как старший брат, которому поручили опекать сестренку.

Эти братские отношения довели Анну до мучительного томления. Она уже не сомневалась, что любит

Юру. А он проявлял только заботливое участие. Из носа не потекло? Платочек дать? Мороженое купить? По ночам Анна строила планы провокаций, которые вынудили бы Юру перейти к эротическим атакам. Но то, что ловко складывалось в мечтах, в реальной жизни быстро рассыпалось. Анна могла дурачиться как ребенок, но соблазнять как женщина не умела.

После изнурительной сессии и практики в больнице, перед ее отъездом домой, в Донецк, Юра предложил съездить на Ладогу. Вообще ее жизнь с появлением Юры заметно изменилась материально. Он, конечно, не содержал ее, Анна по-прежнему жила на стипендию и те крохи, что присылала мама. Экономил на еде, чтобы покупать у однокурсников-иностранцев джинсы, блузки, колготки. Но Юра довольно часто водил ее в рестораны, они могли на выходные или в праздники отправиться в Ленинград, Прибалтику. Останавливались (Анна впервые в жизни) в гостиницах, в разных номерах, естественно.

Подружки были убеждены, что их отношения давно за рамками пионерской дружбы. И разубеждать их было неловко. Да что там подружки, даже Юрина мама, Луиза Ивановна, не питала на этот счет никаких сомнений. Она относилась к Анне доброжелательно. Выяснила, как Аню зовут дома, и величала также — Нюрочкой. Но однажды Анна засиделась у них дома — по телевизору показывали чемпионат по фигурному катанию, — и Луиза Ивановна тихо шепнула ей:

— Нюрочка, не стесняйтесь меня, оставайтесь. У Юры ведь своя комната.

Возможно, даже определенно, Луиза Ивановна действовала из благих побуждений. Но Анна обиделась: «Хочет, чтобы у сына была приходящая девица. И толкает меня в его кровать. Не важно, что я сама не прочь там оказаться. Зачем в спину подгонять?»

Ладога, строгая и могучая красота Русского Севера потрясли Анну. Она выросла на Украине, восхитительной ранней весной и летними ночами. Само же южное лето, знойное, выжигающее, высушивающее все краски на раскаленной земле, вызывало ощущение климатического испытания — надо потерпеть, дожждаться осени, спрятаться, пока не придет вечерняя прохлада.

Здесь, на Севере, летом была жизнь, а не переживание. Краски, особенно зеленые, — свежие и насыщенные: бутылочная зелень еловых иголок, оттенки травы — от салатного до темно-зеленого, ажурное кружево мха, ягодные кустики, семейки упругих грибов — все было красиво до бутафорности.

И простор. Удивительный простор Ладоги. Не степное марево с полынным и жарким, как из духовки, воздухом. А свежее, прозрачное водное раздолье. Хотелось лететь, плыть в хрустальной прохладе и дышать, дышать, запасаясь впрок лесными запахами.

Окружающая красота настолько захватила Анну, что она даже перестала терзаться неопределенностью отношений с Юрой. Тем более что источник ее переживаний вот он, никуда не делся, шагает рядом.

Анна присела у кустиков земляники. Обрывала ягоды, складывала их в ладошку и отправляла в рот. Юра потерял ее. Стоял в десяти шагах, но не видел за кустарником.